

всегда с неизменным интересом встречающего новые издания зарубежных сказок. В сборнике немало юмористических сказочных историй, забавных и неожиданных по развязке, например: «Коза», «Находчивый мальчик», «Кошка», «Заяц и лев», «Мудрое решение», «Старикам ума не занимать», «Чье сокровище лучше?», «Бедуин и араб» и многие другие. В широкой популяризации литературы народов Востока можно увидеть вторую важную заслугу участников сборника. Успеху этой популяризации будут, несомненно, способствовать краткие очерки сказочного творчества каждой из тринадцати представленных стран, удачно приложенные к книге.

Особенно хочется приветствовать то, что секция переводчиков Восточного факультета ЛГУ им. А. А. Жданова, подготовившая и опубликовавшая свой второй коллективный сборник переводов¹, способствует решению той важной задачи, которая давно стоит перед специалистами в области восточных литератур: взять, наконец, почетное дело ознакомления советских читателей с литературами Востока в квалифицированные руки востоковедов, что надежно обеспечит перевод вполне доброкачественный, бережно воспроизводящий восточный оригинал. Отрадно видеть, что составители сборника — специалисты-востоковеды успешно овладевают второй трудной — «переводческой» — специальностью: переводы выполнены профессионально литературно, во многих случаях даже мастерски, чему немало способствовало участие в подготовке сборника к печати такого крупного специалиста в области фольклора, как Н. П. Колпакова, и редактора Издательства восточной литературы Л. Ф. Керцелли.

Как определенное достоинство рецензируемой книги следует отметить также предисловие, в котором кратко сформулированы основные принципы публикации фольклорных материалов в русском переводе для широкого читателя.

В книге тем не менее имеются некоторые недостатки. Неоправданно непропорционально представлены некоторые страны: только двумя-тремя сказками представлено афганское, индонезийское и монгольское народное творчество, хотя сами составители характеризуют его как богатое и разностороннее. Наблюдается определенное смещение собственно народных сказок и их литературных обработок (ср., например, «Дураки», «Ворона и лиса», «Своим умом» и «Истинная экономия», «Блинчики»). Это смещение закономерно проявилось в некотором нарушении единства стиля в сборнике: литературное изложение ряда сказок вступает в явное противоречие с непринужденным, народно-разговорным стилем остальных. Употребление несвойственных сказочному жанру речевых оборотов и слов создает иногда ощущение смешения разных лексических пластов (например, слова: «манеры» (стр. 77), «поза» (стр. 381), выражения: «Будьте, пожалуйста, снисходительны» (стр. 381), «невыносимо досадно» (стр. 364), «тебя ничто не удовлетворяет» (стр. 12) и пр. В ряде случаев это смещение лексики наблюдается в пределах одной сказки, например, «Счастлива и Несчастлива»).

Иногда в переводах проскальзывают искусственные для русского уха и неправильные обороты, явно скалькированные с чужого языка (например, «...стая поднялась в небо. Лишь одна из них не смогла этого сделать» — стр. 206; или — «Он разрезал себе пятку и насобирав себе в рану несколько зерен» — стр. 204).

Однако, несмотря на указанные недочеты, этот интересный и полезный сборник еще более приблизит к советскому читателю разнообразный и красочный фольклор народов Востока.

З. Ворожейкина

¹ Первый сборник — «Рассказы писателей Востока», Л., 1958.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Carleton Beals. *Brass — Knuckle Crusade. The great Know-nothing Conspiracy: 1820—1860*. New York, 1960.

Известный американский писатель Карлтон Билс знаком советским читателям главным образом своими трудами по Латинской Америке. На этот раз внимание Билса привлекли люди и события середины XIX в. в США — разгоревшееся накануне Гражданской войны реакционное ультранационалистическое движение «незнаек» (такое прозвище закрепилось за участниками движения потому, что члены, составлявшие ядро тайного ордена, должны были на все вопросы об ордене отвечать: «ничего не знаю»), организовавшее травлю иммигрантов и послужившее в известной мере прототипом для расистских организаций, действующих в Америке до сего дня. Эта книга Билса, как и другие его книги, носит обличительный характер. Дух «незнания» для автора «отнюдь

не мертв» (стр. 300), и он гневно протестует против него и против сходных с ним явлений современности. Книга написана страстно и ярко. Помимо исторической литературы использованы современные описываемым событиям брошюры, газеты и записки современников. Книга разделена на 13 небольших глав, снабженных броскими заглавиями, как принято в американских научных книгах.

Первая глава вводит читателя в обстановку того времени, характеризует основные черты «незнайства» и излагает взгляды автора на это движение.

Первые «нейтивистские»¹ организации появились в США еще в 30-х гг. XIX в., когда стала нарастать волна европейской иммиграции. Кичась «чисто американским» происхождением своих членов и их протестантской религией, они проповедовали вражду к иммигрантам, прежде всего — к католикам. В последнем обстоятельстве автор не без основания видит продолжение идеологической традиции европейских религиозных войн XVI—XVII вв. и религиозной нетерпимости пуритан в американских колониях Англии. Он пишет, что «незнайки» требовали запрещения или ограничения иммиграции (стр. 8). Это неточно. «Незнайки» требовали не столько ограничить иммиграцию, сколько практически лишить иммигрантов гражданских прав и возможности приобрести землю. Их знаменем была национальная дискриминация. Впрочем, «незнайки», — отмечает Билс, — не ограничивались травлей европейских переселенцев — они убивали негров, нападали на мексиканцев, на чилийцев и т. д. Они были связаны с преступным миром городов и сами организовывали банды, подводя под них «моральную» националистическую базу. Применявшуюся «незнайками» тактику насилия и террора Билс связывает с кулачным правом, которое царило на редко заселенных западных землях и «стало символом американизма» (стр. 10).

Социальную базу «незнаек» Билс характеризует нечетко и неверно. Рисуя красочные портреты миллионера-покровителя «незнаек», их организатора — короля игорных притонов или гангстера — «истинного американца», он без разбора включает в поддерживающую «незнаек» «англо-саксонскую элиту», наряду с купцами, банкирами и судовладельцами, также фабричных рабочих (стр. 6 и 103).

Правильно отмечая, что «незнайство» использовало общественную неустойчивость, царившую в Америке в середине XIX в., Билс валит в одну кучу такие разнородные явления, как классовая борьба рабочих, золотая лихорадка, эпидемии. Кардинальный же для всей общественной жизни Америки той поры вопрос о рабстве негров Билс не ставит во главу угла, хотя приводимый им в ряде мест материал и рассыпанные по книге острые замечания свидетельствуют о том, что именно этот вопрос лежал в основе подъема «незнайства». «Незнайки», — пишет, например, Билс на стр. 14, — пытались обойти весь вопрос о рабстве. Южане видели в «незнайстве» средство ограничить избирательную мощь Севера и отвести в сторону агитацию против рабства». Они добивались этого, провозглашая в стране, расколотой на промышленный Север и рабовладельческий Юг, лозунг национального единства невзирая на местные различия — или, язвительно замечает Билс: «Америка превыше всего... тогда, как и теперь» (стр. 15).

Но Билс часто прибегает к другому объяснению описываемых им явлений. В согласии с этнопсихологическими и этнофрейдистскими теориями, распространенными среди американских этнографов, на которых он прямо ссылается (стр. 50), Билс подчеркивает психо-патологические мотивы «незнайства». Оно было, по его мнению, средством избавиться от комплекса неполноценности, возвратом к культу предков, «стадным рефлексом, наркотиком, националистическим гипнозом» (стр. 16), порождением страха и ненависти, которую старались направить в определенные каналы, и т. п. Излишне говорить, что подобное истолкование социального движения не может быть признано удовлетворительным. Впрочем, Билс включает это толкование наряду с другими в набрасываемую им красочную, но не слишком отчетливую картину.

Последующие четыре главы изображают нейтивистское движение 1830—1840-х гг. Оно было направлено в первую очередь против католиков, — а к католикам принадлежала значительная часть иммигрантов, и в частности, подавляющее большинство переселенцев из Ирландии. Толпы ирландских бедняков хлынули в эти десятилетия в города и поселки Новой Англии, которая стала очагом антикатолической кампании. Антикатолические проповеди раздавались почти во всех протестантских церквях. В Новой Англии пылали подожженные католические монастыри и церкви. Ирландцев травили, устраивали погромы, провоцировали кровавые побоища. Билс правильно указывает, что «незнайки», обвинявшие иммигрантов в обособленности и нежелании ассимилироваться с коренным населением, сами этому способствовали, вынуждая новых поселенцев изолироваться и обороняться (стр. 101). «Незнайки» были рьяными экспансионистами, сторонниками агрессивной мексиканской войны, затеянной рабовладельцами. В отторгнутом от Мексики Техасе они вели кампанию против тамошних уроженцев-мексиканцев и требовали их изгнания. Немецкие иммигранты, особенно в 1850-х гг., когда тон среди них задавали революционные эмигранты 1848 г., были для «незнаек» противниками особого рода — на них нападали как на радикалов, «безбожников», деятелей рабочего движения, несущих Америке «угрозу революции».

¹ От слова «native» — местный уроженец.

6 и 7 главы посвящены подъему «незнайства» в 1850-е гг. — в период назревания Гражданской войны. Подробно описана структура и тактика тайных орденов, являвшихся ядром движения. «Незнайство» получило в этот период большое распространение на Юге, где иммигрантов было мало. На президентских выборах 1856 г., например, кандидат «незнаек» Филмор получил больше всего голосов в рабовладельческих штатах, что подчеркивает зависимость всего движения от вопроса о рабстве.

Раскол «незнаек» на южное крыло (сторонников рабства) и северное (его противников) начался уже в эту пору. К началу Гражданской войны разногласия в этом вопросе привели все движение к распаду.

В следующих четырех главах описываются действия «незнаек» в разных районах США. Перед читателями проходят картины неприкрытого насилия, откровенных плутов и подлогов, грубой демагогии. Там, где «незнайки» приходили к власти (а это произошло в середине 1850-х гг. в целом ряде штатов), воцарялась преступность. В иных городах шли своего рода малые гражданские войны. В Калифорнии авантюристы-золотоискатели, возглавляемые бандами «незнаек», грабили и сгоняли с земли мексиканцев и чилийцев.

Две последние главы показывают — с несколько утомительной подробностью — процесс внутреннего развала «незнайства». Автор резонно отмечает, что к началу Гражданской войны движение потеряло всякий смысл. Преодолеть раскол по вопросу о рабстве и продлить влияние рабовладельцев ему не удалось. «Теперь ничто из программы «незнаек» не имело ни малейшего отношения к реальным событиям, разыгрывавшимся на национальной сцене» (стр. 278—279).

Для Билса «незнайки» — явление, в какой-то степени внеисторическое, обусловленное психологически. Они — «ненавистники прогресса. Эта порода всегда появляется там, где происходит перемена, которой люди не понимают и поэтому боятся» (стр. 237). Подобные «эмоциональные лихорадки» повторяются, по его мнению, в Америке ритмически, через каждые 10—15 лет. Склонность к модернизации заставляет Билса провозгласить «незнайство» «первым фашистским движением Америки» (стр. 8). На основании поверхностного сходства движение «незнаек» вырывается из своего исторического контекста, причем автор проявляет непонимание сущности фашизма, которым грешат многие левые интеллигенты на Западе. Кое-где в книге проскальзывают необоснованные выпады против американских коммунистов.

Реакционный национализм и его идеологические и тактические традиции живут в Америке до наших дней. Ку-Клукс-клан, возникший сразу после Гражданской войны и орудующий до сих пор, действительно, как пишет Билс, сродни «незнайкам» и по своему тайному характеру, и по террористическим методам, и по человеконенавистническому расизму, и по многим другим чертам. И нельзя не согласиться с заключительной характеристикой буржуазного патриотизма современной Америки: «Наш нынешний патриотизм находится большей частью на уровне „незнайства“: причудливое сочетание страха, больших прибылей, самоутешения, силы и привилегии» (стр. 302).

Ш. Богина